

ФИЛОСОФИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ЭВОЛЮЦИЯ И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

ВЫРСКАЯ М.С.,

аспирант,
факультет философии,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: broma@bk.ru

В статье рассматривается развитие экономической мысли в работах философов Античности и Нового времени. Делается вывод о том, что развитие экономической науки стало возможным благодаря взаимодействию нескольких факторов: возникновению рыночной экономики, опыту ведения хозяйства, торговли, земледелия, отраженному в соответствующих текстах, развитию категориального аппарата, в том числе усилиями философов, и теоретическому подходу философов к осмыслению экономических процессов.

Ключевые слова: ойкономия; хозяйствование; автаркия; философия; Дэвид Юм; разделение труда; теория стоимости; рыночная экономика.

The article describes the development of economic thought in the works of philosophers of Antiquity and Modern Times. The conclusion is that economics has become possible due to the interaction of several factors: the emergence of a market economy, the experience of farming, trade, agriculture, reflected in the relevant texts, the development of categorical system, including the efforts of philosophers, philosophers and theoretical approaches to understanding economic processes.

Keywords: oykonomiya; housekeeping; autarky; philosophy; David Hume; division of labor theory of value; market economy.

Коды классификатора JEL: B1, B11.

Автор известной «Басни о пчелах» — Бернард Мандевиль (1670–1733) — слывет вдохновителем Адама Смита (1723–1790), философа и экономиста, положившего начало экономической науке. Как ни парадоксально это звучит, но главная мысль поэмы, вдохновившей А. Смита, заключается в том, что общественные выгоды являются продуктом частных пороков, а не частных добродетелей, где под пороками следует понимать тщеславие, жадность, гордость и проч. Иными словами, благотворный общественный порядок возникает как непреднамеренное следствие поступков индивидов. «Жизнь показывает, что было бы нелепо иметь пивоваров столько же, сколько пекарей, или торговцев шерстяными изделиями — столько же, сколько сапожников. Пропорция между количеством занятых каждым делом устанавливается сама собой и сохраняется наилучшим образом именно тогда, когда никто не вмешивается и не воздействует на нее» [3, с. 268]. Эта идея легла в основу метафоры «невидимой руки» А. Смита, позволившей ему разработать теорию функционирования экономики как взаимосвязанной системы.

Итак, экономика как самостоятельная наука выделяется в XVIII в. с выходом в свет книги А. Смита «Исследование о природе и причине богатства народов» (1776). Однако целью нашего исследования не является изучение этого произведения и объяснение причин, по которым именно с него начинается отсчет экономической науки. Нам необходимо понять, какие «мыслительные» процессы предшествовали данному феномену, поскольку очевидно, что производство такого масштаба не могло возникнуть само по себе, в отрыве от развития экономической мысли.

Само понятие экономики сформировалось задолго до «Богатства народов...». Известно, что, начиная с Античности, точнее с трактата «Ойкономия» Ксенофонта (V–IV вв. до н.э.), под экономикой подразумевалось «искусство управления домом». Ксенофонт дает описание образцового домашнего хозяйства, охватывая такие стороны быта, как «распре-

деление семейных обязанностей между мужем и женой; обустройство домашних помещений и поддержание в порядке хозяйственных запасов; подбор управляющего и слуг, обеспечение их лояльности; наконец, производственные задачи земледельца — от обработки почвы и посева до уборки урожая» [2, с. 13]. Иными словами, экономическая деятельность в условиях традиционного общества, общины, была сфокусирована на ведении домашнего хозяйства, а ее целью являлось улучшение хозяйства посредством выполнения каждой хозяйственной функции правильным образом, в соответствии с нормой, образцом. Обмен и торговля в этот период еще не стали непереносимым условием жизни, поэтому и в работах ранних мыслителей о коммерции упоминаются лишь вскользь.

Традиционной экономике присущ определенный тип рациональности, отличающийся от современного. То были общества, жизнь в которых строилась согласно традиции и заведенным обычаям, поэтому разумным считалось поведение, признанное таковым сообществом. Сегодня в экономической науке рациональным полагается поведение, отвечающее частным интересам индивида, — на этом основывается принцип микроэкономики, принцип максимизации индивидуальной полезности. Исходя из этих типов рациональности и строится экономическая деятельность человека. В традиционном обществе поддержание семьи, общинного хозяйства превалировало над личными интересами, поскольку человек не мыслил себя вне своей общины, своего рода; это была едва ли не единственная форма существования в социуме. Немного утрируя, можно привести цитату Карла Полаanyi из работы «Великая трансформация»: «Дикаря-индивидуалиста, который бы охотился или собирал пищу исключительно для себя самого или для своего семейства, никогда не существовало. В самом деле, обеспечение пропитанием собственных домочадцев превращается в важную черту экономической жизни лишь на более высоком этапе развития сельского хозяйства, но даже там оно не имеет ничего общего с мотивом прибыли или с институтом рынка: его модель — замкнутая группа» [5, с. 65].

Поскольку хозяйствование в античном обществе не составляло самостоятельную сферу исследования, а читалось в контексте политики, этических норм, то и текстов, посвященных экономике в чистом виде, мы не обнаруживаем. «Зачатки экономического анализа составляют незначительную — крайне незначительную — часть того наследия, которое оставили нам прародители нашей культуры — древние греки. Так же как их математика и геометрия, их астрономия, механика, оптика, их экономическая наука является ключом ко всем последующим трудам. Однако в отличие от результатов в других областях их экономическая наука не смогла достичь независимого статуса и не получила даже собственного названия: их «экономика» означает лишь практическую мудрость в управлении домашним хозяйством» [7, с. 64–65]. Кроме обозначенного труда Ксенофонта «**Ойкономия**» (или «Домострой»), следует отметить «Государство» Платона, «Политику» и «Никомахову этику» Аристотеля как произведения, в которых так или иначе затрагивалась экономическая проблематика.

Платон в «Государстве» полагает разделение труда экономическим фундаментом современного ему общественного и государственного строя. «Можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы» [4, с. 159]. Это разделение необходимо для удовлетворения наибольшего количества потребностей граждан. «Государство <...> возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но нуждается еще во многом. <...> Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [4, с. 157]. Так появляются работники, добывающие средства питания, строители жилищ, изготовители одежды, работники, изготавливающие для них необходимые инструменты, скотоводы, ремесленники, купцы и мелкие торговцы, скупщики, перепродавцы, перевозчики, моряки и проч. И каждому гражданину, каждому имеющему сословию — правителям, стражам и ремесленникам — отводится определенное положение в соответствии с его занятием. В этом разделении труда выражается принцип справедливости — основной принцип совершенного государства.

У Аристотеля круг экономических понятий, которые он разрабатывает в «Политике» и «Никомаховой этике», расширяется; это понятия неравенства, богатства, ростовщичества, справедливой цены, частной собственности. Рассуждая о богатстве, философ подразумевает

вает под ним «совокупность средств... необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины» [1, с. 389–390]. Критерием достаточности, или предела, богатства является защищенность людей от основных невзгод — холода, голода и ненастий. Иными словами, богатство лишь создает нормальные условия для того, чтобы свободный человек мог заниматься достойными его делами — такими, как служение обществу или совершенствование в науках и искусствах [2, с. 16]. Из представления о богатстве как достаточности возникает различие экономии — искусства ведения хозяйства, и хрематистики — искусства накопления денег и имущества. Аристотель не осуждал запасы имущества, поскольку без этого невозможно хозяйство. Однако натуральные запасы имеют естественную границу — они портятся от времени и требуют много места для хранения [2, с. 16], в то время как накопление денег не имеет этой границы, и поэтому тот, кто занимается денежными оборотами, стремится увеличивать количество денег до бесконечности. Богатство само становится целью и начинает конкурировать с более значимыми целями. «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, а не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично» [1, с. 393]. Таким образом, с одной стороны, Аристотель считает деньги необходимым условием ведения меновой торговли, т. е. средством к жизни, а с другой стороны, он осуждает то поведение людей, которое видит в деньгах самоцель.

Позиция Аристотеля относительно богатства станет еще яснее, если принять во внимание принцип, на котором строилась жизнь «ойкоса», домохозяйства — основной социальной единицы греческого полиса. Этим принципом была автаркия — экономическая самодостаточность. Поскольку истинно свободным считался только человек, экономически независимый от других, автаркия выступала в качестве экономической основы свободы. Экономическая независимость означала лишь самостоятельное обеспечение своего существования, а не богатство, полученное в результате торговли или занятия ремеслом.

Позднее, в эпоху Средневековья, экономическая деятельность трактовалась с точки зрения христианской этики и доктрины. Например, запрещалось давать деньги в кредит под процент. Во-первых, процент означал получение дополнительной прибыли, т. е. деньги становились ценностью самой по себе, что считалось грехом. Во-вторых, процент брался за то время, в течение которого должник пользовался кредитом, однако время принадлежит богу, оно равно для всех людей, и только бог имеет право распоряжаться им.

Таким образом, на протяжении двух тысяч лет зачатки экономической мысли разрабатывались в рамках философской, политической, этико-правовой эссеистики, но как таковой науки экономики еще не существовало. Одновременно с этим европейское общество накапливает богатые знания и опыт в сфере экономической практики, что находит отражение в различных прикладных пособиях и рекомендациях ведения хозяйства, торговли, ремесленного производства.

Вслед за известным экономистом и социологом Йозефом Шумпетером позволим себе обозначить следующие работы, относящиеся к периоду Нового времени. «Сельская и домашняя экономия» (1593–1607) Иоганна Колеруса, содержащая всевозможные советы по домоводству, включая сельское хозяйство, садоводство и медицину. «Благоразумный эконом» Б. Фриджеро (1629), в которой «экономия» определяется как «некоторое благоразумие в управлении семьей» (например, управление женой) и делаются попытки описать национальные особенности экономического поведения. В «Системе политических дисциплин» (1606) Б. Кеккерманн определяет «экономю» как «дисциплину о правильном управлении домом и семьей».

Часто выходили работы по бухгалтерскому учету и торговым операциям, а также по управлению предприятием, хозяйственному праву, коммерческой географии и условиям коммерческой деятельности в разных странах. Например, «Двойная бухгалтерия» (1549), В. Швайкера, «Увлечение торговли» (1615) Джона Робертса и «Коммерческая карта купца» (1638) Льюиса Робертса. Кроме того, монографии о банках и обширные компиляции, такие как «Негоциант» Дж. Д. Пери (1665), «Совершенный негоциант» (1675) Жака Савари, «Универсальный коммерческий словарь» (1723–1730) братьев Савари де Брюлон, «Универсальный торговый и коммерческий словарь» (1751–1755) Малахии Постуэйта, рассчитанные на удовлетворение практических нужд купцов.

Имела большое значение также литература по сельскому хозяйству: «Рассуждение о сельском хозяйстве Брабанта и Фландрии» (1690) Уэстона, «Система агрикультуры» (1669) Уорлиджа, «Совокупное искусство сельского хозяйства» (1707) Мортимера, а также описа-

ния путешественниками экономических условий зарубежных стран, например, «Наблюдения в объединенных провинциях» (1676) Уильяма Темпля.

Следует отметить, что в Новое время слово «ойкономия» все еще означало искусство домохозяйства, однако внимание было больше обращено на хозяйство королевского двора, т.к. сюда относилось и налогообложение, и чеканка монет, затрагивавшие все остальные хозяйства государства. Искусство управления королевским двором отличалось от экономии частного хозяйства, поэтому был создан термин «политическая экономия». Первая книга с названием «Трактат политической экономии» А. Монкретьена вышла в свет в 1615 г.

Мы могли бы предположить, что благодаря накоплению практического знания и опыта, на основе подобных текстов и складывается новая наука — экономика. Однако это было бы не совсем верно, поскольку любая наука содержит в себе не только эмпирический уровень знания, но и теоретический. Таким своеобразным теоретическим подспорьем в ранние эпохи выступала философия. В Новое время Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк также включают в свои философские политико-правовые теории экономические идеи. В XVIII в. Френсис Хатчесон («Система моральной философии») и Дэвид Юм («Опыты, нравственные, политические и литературные») подготавливают почву для появления новой науки, оказывая непосредственное влияние на Адама Смита. Все трое ученых были знакомы и состояли в переписке: с 1737 по 1739 гг. А. Смит изучал этические основы философии в Университете Глазго под руководством Ф. Хатчесона, а затем, около 1750 г., он познакомился с Д. Юмом, с которым Ф. Хатчесон находился в дружеских отношениях.

Дэвид Юм (1711–1776) известен в основном как философ, однако он работал также в области социальных и гуманитарных наук, занимался историей. Его экономические эссе были изданы в 1752 г. в сборнике «Political Discourses». Э. Ротвейн выделяет в них три грани анализа. Первая грань — экономическая психология. «Здесь Юм имеет дело с экономическими мотивациями, или, пользуясь его терминологией, побуждениями к труду. <...> На этом уровне анализ представляет собой естественную историю "становления и развития торговли". Коротко говоря, пытаюсь объяснить, как, воздействуя на желания людей, изменения стимулируют экономический рост, Юм пришел к вопросу об экономических мотивах. Он видел четыре побуждения к труду: желание потреблять, желание действовать, желание разнообразия, желание получить выгоду» [3, с. 184]. Все эти мотивы существенны для экономического роста страны. «Человек движим не только стремлением получить удовольствие, но и множеством других "инстинктов", которые побуждают его совершать поступки ради них самих, т. е. такие поступки, которые не ведут автоматически к результатам, отвечающим его интересам» [3, с. 184].

Вторая грань экономического учения Д. Юма — его политическая экономия, или анализ рыночных отношений. В своих эссе он сформулировал количественную теорию денежных отношений, теорию процента, привел анализ международной торговли, а в труде «История Англии» содержатся высказывания относительно свободного и регулируемого рынков.

Третья грань экономического учения — экономическая философия Д. Юма. В этом отношении он рассматривает влияние развития экономики на индивида и общество в целом и дает положительную оценку общества, основанного на коммерции и промышленности. «В его экономической философии присутствуют три из этих мотивов — желание потреблять, желание интересной деятельности и разнообразия жизни. Он их рассматривал как конечные цели, являющиеся основными составляющими счастья индивида. <...> Экономический рост, пишет Юм, вносит свой вклад и удовлетворение четвертого важного для благосостояния человека желания — спокойствия и умиротворения, или состояния душевного равновесия, которым можно наслаждаться, если человек и после того, как многое в жизни было испытано, способен воспринимать» [3, с. 190].

Что касается всего общества, то здесь очевиден пропорциональный рост торговли и торгового сословия, людей «среднего ранга», заинтересованных в создании законов, охраняющих их собственность. Этот процесс, в свою очередь, ведет к развитию парламентской формы правления и связанному с этим уважению свободы личности. «Таким образом, Юм осознавал связь между утверждением принципа экономического индивидуализма и политической свободой, которой начиная с этого времени уделялось так много внимания» [3, с. 190].

Экономические взгляды Д. Юма своеобразны и примечательны тем, что среди прочих мотивов экономической деятельности он выделяет желание действовать, т.е. стремление заниматься какой-либо деятельностью как таковой, и желание разнообразия, т.е. жела-

ние испытывать сильные побуждения как таковые. Вследствие чего и сама экономическая деятельность приобретает черты игры, «экономической игры», от которой, как и от любой другой увлекательной игры, человек получает удовлетворение и достигает душевного равновесия.

Конечно, многие экономические вопросы и проблемы, о которых писал А.Смит, обсуждались философами независимо от него, например, разделение труда или теория стоимости. Так, Френсис Хатчесон (1694–1746) указывает на важность разделения труда для правильного и гармоничного существования общества. В «System of Moral Philosophy» Ф. Хатчесон пишет: «...хорошо известно, что результаты трудов любого наперед заданного числа тружеников, скажем, двадцати, изготавливающих предметы первой необходимости или просто предметы, облегчающие нашу жизнь, будут гораздо лучшими при отделении одной, определенной части работы некоего вида, при которой работник скоро приобретет умение и сноровку, от другой работы иного вида, чем если бы каждый из двадцати вынужден был работать на себя, вращаясь во всем многообразии труда, необходимым для его существования, без достаточной сноровки в каком-либо одном деле. Используя предыдущий метод, каждый приобретает большое количество товара одного вида и может обменивать часть этого товара на товар, полученный трудом других, если он в нем нуждается. Один становится экспертом в возделывании почвы, другой в скотоводстве, третий в каменной кладке, четвертый в охоте, пятый в железном деле, шестой в ткацком мастерстве, и так далее повсюду. Таким образом, все возмещается посредством обмена работ мастеров. Используя другой метод, редко кто-либо мог быть проворным и умелым в каком-то одном виде труда» [9, с. 288–289].

Анализ этой проблемы приводит его к рассмотрению проблемы собственности и к тезису о том, что люди имеют право на собственность, которое очень важно само по себе и которое в случае его соблюдения обеспечивает стимул экономической деятельности [3, с. 196]. Однако, как полагают исследователи экономической мысли, заслуга А. Смита заключается в том, что он сделал из «разделения труда» краеугольный камень экономического мышления.

Что касается теории стоимости товара, то она также разрабатывалась предшественниками А. Смита. Самуэль фон Пуфендорф полагал основой стоимости вещи — соотношение ее пригодности или полезности и количества, что очевидно из следующей цитаты «De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo»: «Основной общей стоимостью как таковой является пригодность вещи или услуги, благодаря которой она может отвечать, прямо или косвенно, нуждам человеческой жизни, и делать ее более комфортной и приятной. Следовательно, мы обычно называем вещи, которые не приносят никакой пользы, не имеющими ценности. И все же имеются некоторые вещи, наиболее полезные для человеческой жизни, определенную ценность которых нельзя понять, или потому, что они не допускают владение собственностью, и это неизбежно, или потому, что они не подходят для обмена, и, следовательно, не участвуют в торговле, или потому, что в торговле они рассматриваются не иначе как дополнение к чему-нибудь еще [например, небо, небесные тела, океан, солнечный свет, чистый, свежий воздух, истинный лик земли, ветер и прохлада]... Потому что в этом смысле необходимость вещи, или ее исключительная полезность, так далеки от того, чтобы выходить на передний план, что мы скорее увидим, что люди не уважают те вещи, без которых человеческая жизнь не может обойтись. Это происходит потому, что природа, не без помощи удивительного промысла Божия, снабжает нас их щедрыми запасами. Следовательно, возрастание стоимости производится дефицитом... Так как цены товаров каждодневного употребления возрастают особенно, когда их дефицит сочетается с необходимостью или потребностью. ... Противоположные условия обычно понижают цену. ... Иногда общая стоимость неожиданно меняется, в соответствии с достатком или нехваткой покупателей, денег, или товаров. Поскольку нехватка покупателей и денег, а также избыток товаров понижают цену. С другой стороны, избыток потенциальных покупателей и денег, и дефицит товаров повышают цену. Точно так же цена снижается, когда товару приходится искать покупателя» [12, с. 70–73].

Ф. Хатчесон перенял учение о стоимости от Пуфендорфа через Гершома Кармайкла. Он утверждал, что естественной основой для всех стоимостей или цен является польза, которую может принести товар при его использовании. «Естественное обоснование всей стоимости или цены либо той или иной полезности товаров для жизни — вот первейшая предпосылка любой оценки. Но в торговле цена или стоимость отнюдь не являются

следствием подлинной *полезности* либо важности товаров как подспорья жизни или естественных ее наслаждений ... Исходя из некоторой пригодности [товара] для человеческой жизни мы обнаружим, что цены товаров зависят одновременно от двух факторов: *спроса* вследствие некоторой *пользы* или другого качества, желаемого многими, и *трудности* приобретения, или обработки для последующего пользования человеком» [10, с. 53–54]. Со стороны предложения, считал Хатчесон, «ценность» определяется использованными материалами, трудом, способностями художника, вознаграждением нанимателя, рентой и процентом [3, с. 196]. В «Introduction to Moral Philosophy» Хатчесон добавил к своей основной теории стоимости следующее интересное уточнение: «Другие, очень полезные вещи, не имеют цены, или потому, что они естественным образом доступны обществу, или потому, что они не подлежат торговле не иначе как в дополнении к чему-либо еще, чья цена может возрастать благодаря им, хотя они не могут быть оценены раздельно; или потому, что какой-либо естественный или установленный закон запрещает покупать или продавать их» [11, с. 200].

Что касается Д. Юма, то его экономические рассуждения не содержат какую-либо исчерпывающую трактовку стоимости. «Его мысли относительно этого предмета мы можем получить только из нескольких разрозненных примечаний, которые он делает в течение своего доклада о другом экономическом феномене. Он полагал, что труд, включая интеллектуальный труд, является важным источником стоимости, и он придерживается того принципа, что каждый человек должен, по возможности, вкушать плоды своего собственного труда» [13, с. 67]. «Все предается мастерству и труду; и поскольку природа предоставляет материал, он остается грубым и необработанным, пока промышленность, всегда деятельная и рациональная, не очистит его от грубого состояния и не подготовит к человеческому использованию и удобству... Все на свете приобретает посредством труда, и наши желания суть единственная причина труда» [8, с. 10].

Сам А. Смит писал, что регулирование рыночной цены товаров зависит, во-первых, от спроса на товар, во-вторых, от избытка или дефицита товара относительно потребности в нем, и, в-третьих, от богатства или бедности тех, кто предъявляет спрос.

Мы видим, что экономические проблемы, которым посвящено «Богатство народов» А. Смита, не оказались новыми для своего времени, но они были им по-своему сформулированы и детально проработаны. И интересен тот факт, что, говоря о предшественниках А. Смита, мы часто упоминаем философов, т.е. экономика, как и прочие науки, возникла в лоне философии, питалась ей, хотя предметом ее изучения были явления и процессы, казалось бы, очень далекие от умозрительных философских рассуждений. Подобно тому, как и физика, изучающая природу, берет свое начало с философского удивления, «почему есть нечто, а не ничто», так и экономика формулирует свой научный вопрос «как», когда экономический уровень развития общества требует уже не политического регулирования экономических процессов, а их объяснения и прогнозирования. Именно с появлением **рыночной экономики** как саморегулирующейся системы стала возможна новая наука, поскольку прежде она не была нужна вовсе.

Американский экономист и социолог Роберт Хайлбронер в своей книге «Философы от мира сего» задается вопросом, почему, несмотря на экономические проблемы, с которыми человечеству приходилось сталкиваться на протяжении тысячелетий, мы не знаем ни одного экономиста более ранней эпохи? Над нашим обществом, как пишет Р. Хайлбронер, каждый день висит угроза распада, и за всю историю человечество открыло три способа защиты от этой напасти — приверженность традиции, авторитарное правление и рыночная экономика. «Пока все проблемы решались по традиции или в соответствии с приказами сверху, не могло быть и речи об отдельной области знаний, именуемой "экономикой"... Экономистам пришлось ждать до тех пор, пока не был изобретен третий способ борьбы за выживание. Пока не возникла потрясающая воображение система, при которой общество гарантирует непрерывность своего существования, позволяя каждому индивиду делать то, что ему кажется верным, — при условии, что он или она руководствуется главным и общим для всех правилом. Эта система получила название "рыночной", а правило было предательски простым: каждый должен поступать так, чтобы максимально увеличить свое богатство» [6, с. 22].

В заключение автор считает необходимым сделать следующий вывод. До эпохи Нового времени философы и богословы включали рассмотрение экономических вопросов в свою систему мировоззрения и исходя из этого мировоззрения объясняли экономические

процессы. Экономика как теоретическая наука не выделялась в отдельную область исследования, поскольку и в реальности экономики как таковой еще не существовало. Однако с течением времени и развитием общественных отношений, товарно-денежные и производительные процессы усложняются. Они становятся предметом изучения и теоретизирования, но при этом не отделяются от политико-правовой мысли, как и в жизни переплетаясь с политической деятельностью и становлением правовых отношений.

И только в XVIII в., когда во взаимодействие пришли сразу несколько факторов: ранняя рыночная экономика, накопленный за тысячелетия опыт ведения хозяйства, торговли, земледелия, развитие категориального аппарата, в том числе усилиями философов, достаточного для анализа этого опыта и построения наиболее оптимальных, рациональных или этически правильных действий в практической экономической сфере — стала возможна экономика как теоретическая наука.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Аристотель*. Политика // Сочинения в 4 т.: пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2002. 784 с.
3. «Невидимая рука» рынка: пер. с англ. / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена; науч. ред. д-р экон. наук, проф. Н.А. Макашева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 388 с.
4. *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. 752 с.
5. *Поланьи, К.* Великая трансформация: Полит. и экон. истоки нашего времени / К. Поланьи. СПб.: Алетейя, 2002. 311 с.
6. *Хайлбронер, Р.Л.* Философы от мира сего / Р. Л. Хайлбронер; пер. с англ. И. Файбисовича. М.: Издательство Колибри, 2008. 432 с.
7. *Шумпетер, Й.А.* История экономического анализа: В 3-т / Й.А. Шумпетер. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. 494 с.
8. *Юм, Д.* Опытты: Автобиография; Из переписки Юма с Тюрго по вопросу о налогах / Д. Юм. М., 1896. 340 с.
9. *Hutcheson, F.* *A System of Moral Philosophy* / F. Hutcheson. 2 volumes. Glasgow: A. Millar and T. Longman, 1755. Vol. I.
10. *Hutcheson, F.* *A System of Moral Philosophy* / F. Hutcheson. 2 volumes. Glasgow: A. Millar and T. Longman, 1755. Vol. II.
11. *Hutcheson, F.* Short Introduction to Moral Philosophy, in Three Books, containing the Elements of Ethics and the Law of Natures / F. Hutcheson. Glasgow, 1747.
12. *Pufendorf, S.* De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo / S. Pufendorf; trans. Frank Gardner Moore (The Classics of International Law, ed. James Brown Scott). New York: Oxford University Press, 1927. Vol. II.
13. *Taylor, W.L.* Francis Hutcheson and David Hume as predecessors of Adam Smith / W.R. Taylor. Durham N.C.: Duke University Press, 1965. 180 p.